
РОССИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

Н. Л. ПУШКАРЕВА

ОПЫТ МИКРОАНАЛИЗА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СЕМЬИ «НОВЫХ РУССКИХ» XVI СТОЛЕТИЯ

По архивным материалам прослежена история эмоциональных отношений в семье незнатных, но богатых дворян Протопоповых (которых автор именуется «новыми русскими» XVI века). По существу, перед нами первый документально зафиксированный случай в русской истории, когда «сговоренная» невеста отказалась от замужества с нелюбимым женихом и отстояла свой выбор. Реконструкция этого эпизода ломает стереотипное восприятие эпохи Ивана Грозного как времени подавления личности, когда узость пространства частной жизни якобы исключала нестандартное поведение.

История России XVI века для нас – это эпоха Ивана Грозного, взятия Казани, опричного террора и казней. Представления об эмоциональном мире людей того времени в немалой степени закреплены известной картиной И. Е. Репина, отразившей импульсивный и жестокий характер царя. Мы редко задумываемся о том, существовала ли в то время бурных политических страстей какая-то личная, частная жизнь, окрашенная иными эмоциями, – не страхом, а любовью, не злобой, а жалостью и состраданием, не «небрежением», а сочувствием.

Что и говорить об истории эмоций, если даже история семьи и семейных отношений – тема, имеющая в российской науке более чем полуторавекую традицию, – представлена в основном трудами по брачному праву, а не исследованиями быта и повседневности (Оршанский 1879; Григоровский 1896; Загоровский 1902; Добровольский 1903 и др.). Стремительно растущий в последнее время интерес к «истории чувств» людей, живших задолго до нас, застав-

ляет по-новому взглянуть и на историю семьи, и на некоторые житейские казусы доиндустриальной эпохи, вписать их в контекст «правового поля» того времени, конкретно определяя роль и значение норм писаного права в частной жизни человека (то есть в той сфере его повседневности, которая зависела от индивидуальных, частных решений).

Исследователи, которых интересует история частной жизни средневековых русов и «московитов» XVI–XVII веков, обычно обращаются к довольно традиционному кругу источников – к документам личного происхождения (письмам), эпиграфике, заметкам на полях книг, а за их малочисленностью – к литературным и агиографическим памятникам. Реже всего для этой цели используются делопроизводственные документы. И это понятно. Сотни вкладных, дарственных, жалованных и завещательных актов, заполнявшихся по единому клише, по одной традиционной схеме, мало что, казалось бы, могут дать исследователю «истории чувств». Писались эти «грамотки» чаще всего не самими владельцами земли или движимости, а наемными писарями. В большинстве из них изложена лишь суть проводимой операции, и почти невозможно вообразить, какие чувства испытывал тот, кто совершал сделку. А между тем, диктуя текст жалованной или вкладной, человек мог испытывать радость, досаду, разочарование и другие чувства. Исключения редки, а поиск в обычной для того времени клаузуле документа каких-то «личных» вставок невообразимо трудоемок. Плохая же сохранность многих документов превращает вероятность обнаружения этих интерполяций в почти безнадежное дело. И трудно передать радость исследователя, взгляд которого неожиданно выхватил из убористых строчек какой-нибудь вкладной или духовной эмоционально окрашенную «проговорку» автора. Это всегда удача: эмоциональный «прорыв» подталкивает к размышлениям об обстоятельствах совершения человеком его поступка, о его чувствах, о его духовном мире и системе его ценностей.

* * *

В коллекции грамот Троице-Сергиева монастыря, которая хранится в рукописном отделе Российской государственной библиотеки в Москве, есть немало документов, позволяющих представить историю собирания этим монастырем земельных богатств. Среди них акты XV–XVI веков, касающиеся семейно-родового клана Протопоповых – Мезецких – Пронских, неоднократно делавших вклады в этот крупнейший и могущественнейший монастырь. Большинство из них составлено мужчинами (главами семейств и их

братьями, дядьями, деверьями и т. д.), которые имели широкие полномочия по распоряжению недвижимой собственностью. Но встречаются и «женские» вкладные и духовные (жен и вдов), а среди них – **Духовная** (завещание) некой **Марфы Протопоповой**, относящаяся к середине XVI столетия (Духовная... 1560–1561). Упомянутые в этой Духовной «действующие лица» позволяют реконструировать не только своеобразную семейную генеалогию, синхронизирующую различные ритмы и типы социально-исторического времени (общества в целом, поколения, индивидов), но и приоткрыть завесу тайны над частной жизнью современников Василия III и Ивана Грозного.

Главным действующим лицом происходивших около четырех веков назад событий была сама составительница Духовной – *Марфа Протопова*. Как позволяют установить другие акты из той же коллекции по Суздальскому и Бежецкому уездам, Марфа была женой некоего *Василия Кузьмича*, служившего в середине 1520-х годов протопопом придворного Благовещенского собора Московского кремля. Должность Василия Кузьмича и позволила его жене, детям и внукам носить фамилию Протопоповы (Кобрин 1983: 50). Относительно невысокий социальный статус супруга Марфы (должность протопопа была по значимости меньшей, чем должность настоятеля церкви – им несколько позже стал знаменитый Сильвестр, автор «Домостроя») заметно усиливался тем, что местом его службы был именно *придворный* собор. Там Василий Кузьмич время от времени имел возможность общаться не только с приближенными государя, но и с самим великим князем Василием III. Любопытно, что безродного, незнатного протопопа великий князь Василий III назвал в завещании 1523 года своим духовником («отцом духовным») (Духовная... 1523).

О повседневной жизни Василия Кузьмича и Марфы Протопоповых нам ничего не известно. Можно только догадываться о том, какой отпечаток наложила на их судьбы эпоха, время начавшейся эрозии прежних ценностей – родовитости и знатности. Их место в начале XVI века стало постепенно занимать личное богатство, которое в сочетании с приближенностью к «властным структурам» могло при благоприятных обстоятельствах компенсировать «худую породу». Сопоставление с современностью напрашивается само собой: Василий и Марфа Протопоповы были типичными «новыми русскими» XVI столетия.

Судя по вкладным, родовых вотчин у них не было, зато были средства их скупать (РО РГБ 1540: 326), чем они и занимались,

озабоченные судьбой двух своих детей – дочери Евфимии и сына Ивана.

Постепенно земельные приобретения позволили неродовитой семье Василия Кузьмича рассчитывать на выгодное и удачное устройство судеб своих «чад». И если о семейной жизни сына Василия Кузьмича и Марфы, Ивана, ничего установить не удастся, то о судьбе их дочери можно сказать, что она сложилась удачно, оправдав надежды матушки и отца. Незнатной, но богатой девушке удалось связать свою судьбу с отпрыском одного из самых древних, хотя и беднеющих, родов – князем *Иваном (Меньшим) Михайловичем Мезецким* (Зимин 1975: 39–41). Удельные властители города Мещовска (Мезецка) князья Мезецкие лишились удела при Иване III и в XVI веке уже никакой политической роли не играли. Отец Ивана Михайловича Мезецкого Михаил Романович имел кое-какие владения в Стародубе Рязоловском (недалеко от Серпухова), но уже сам князь Иван по тем временам был буквально «безземельным»: почти все его родовые владения оказались заложены-перезаложены (Акты... 1975; Рождественский 1897). Ратное дело было для него профессией, он мало времени проводил дома, растеряв то немногое, что досталось ему по наследству от отца (Лихачев 1900: 85).

Причинами, подтолкнувшими родовитого князя к браку с Евфимией, могли быть: высокий социальный статус предполагаемого тестя (придворного протопопа), наличие богатого приданого, на которое Иван рассчитывал, а может быть, то и другое вместе. Но каковы бы ни были мотивы заключения подобного брака, его неординарность очевидна, тем более что все канонические правила пестрели тогда предписаниями о заключении браков только с «ровней»¹.

В приданое Евфимии мать с отцом, как подсказывает Духовная Марфы, дали только движимость (деньги), сумев ничего не израсходовать из ранее приобретенной земельной собственности. Видимо, новоявленный зять настолько «поиздержался», что не мог – вследствие своего затруднительного материального положения – диктовать более выгодных условий. Брак с Евфимией был ему необходим не меньше, чем семье протопопа, мечтавшей породниться с княжеской фамилией. Сам Иван Мезецкий обретал богатых родственников, которые – как показывают купчие грамоты Марфы

¹ Это почувствовал еще Даниил Заточник (XII век), предостерегший от женитьбы «у богатого тестя». Тема «прельщения» богатством невесты как пути обретения *злой жены* прошла через всю русскую литературу рассматриваемого периода (ср.: О обольстившей... б. г.).

и Василия Протопоповых – не отказывали зятю в помощи, выкупая ранее заложенные им вотчины (Акты... 1505–1526: № 214, 215, 219). В XVI столетии покупка нуворишем чьих-то родовых земель была в порядке вещей, позже (в XVIII веке) подобного рода действия были бы запрещены законом.

Судя по всему, Иван Мезецкий не испытывал никаких «комплексов» от того, что тесть занимается его имущественными делами. Зато Василий Кузьмич не без плебейской гордости отметил в своей духовной, что он сам приобрел не только часть родовых земель Мезецких, но и одевал-обувал зятя-иждивенца, а также снаряжал его на государеву службу («покупал зятю своему на свои деньги доспех про него и на люди его, и кони») (Духовная... 1531–1532). По всей вероятности, пока зять находился в походах, Василий Кузьмич считал необходимым обустроить материальное благосостояние его жены, своей дочери.

В 1531 (или 1532?) году Василий Кузьмич, приняв монашество под именем Вассиан, умер. Имущественными делами родового клана суждено было теперь заниматься его вдове, причем не один год: протопопица пережила мужа почти на три десятка лет. Духовная Марфы была составлена в 1560–1561 годах и предъявлена для утверждения после ее смерти 10 августа 1561 года.

Начальный текст Духовной позволяет узнать о том, что брак Евфимии и Ивана не был бездетным. В 1532 году у них уже росла дочка, названная *Авдотьей*, которой ко дню смерти деда исполнился 1 год и 20 недель. Следовательно, малышка родилась примерно в 1530 (или 1531) году. По неизвестным нам причинам Авдотье суждено было вскоре остаться сиротой: и ее мама Евфимия Васильевна, и отец Иван Михайлович рано умерли, так что девочку пришлось воспитывать бабушке. Сквозь сухую ткань правового памятника к нам – через четыре с лишним века! – прорвалась человечность, особая теплота отношения Марфы к внучке, сконцентрировавшись всего лишь в одном слове – «маленька», которое попало в Духовную. Был у девочки и второй опекун («кормилец») – ее дядя, старший сын протопопицы Марфы Иван Васильевич Протопопов.

Именно им, опекунам, бабушке и дяде, пришлось спустя время решать вопрос о замужестве Авдотьи. Подобные дела в московских семьях XVI века – особенно когда речь шла о первом замужестве – вершили не сами вступающие в брак, а их родители и родственники. Все «хотения» невест опосредовались волей родных, которые и приносили «по ним, что владуче» (приданое). Летописные столбцы полны сообщений о «приведенных» князьям невестах: глагол «приводить», «вести» среди многих значений имел и такое, как «заклю-

чение брачных уз». Впрочем, приоритет родственников в решении вопроса о замужестве не был правовым ограничением одних только женщин: брачные дела сыновей, женившихся в первый раз, тоже, как правило, решали родители.

Наверное, далеко не всегда «чада» бывали согласны с мнением и, главное, выбором старших, которые руководствовались в своих решениях не личностно-эмоциональными, а материальными (в привилегированных социальных стратах – еще и политическими) мотивами. Иначе бы не попали в древнейшие своды законов, регулировавших брачное право, нормы, касавшиеся конфликтных ситуаций, связанных с замужествами. Так, в XII веке *Устав* князя Ярослава Владимировича ввел весьма высокие штрафы за принуждение девушек к браку, особенно если такое принуждение привело к самоубийству «сговоренной» невесты (*Устав...* 1952: 268–269). Древнейшая русская летопись устами полоцкой княжны Рогнеды, не пожелавшей «разувать робичича» (сына рабыни) – посватавшегося к ней Владимира Святославича – и заявившей, что за него она «не хочет», а «хочет» за его брата, Ярополка, тоже зафиксировала возможность возникновения, так сказать, нестандартной ситуации. Вполне вероятно, что она потому и попала в летопись, что была если не единичной, то очень редкой.

В настоящее время не представляется возможным определить, обсуждали ли воспитатели-«кормильцы» Авдотьи Мезецкой ее «хотения» при выборе брачной партии. Вполне возможно, что девушке просто хотелось «быть в законном сочетании с мужем». Свообразие восприятия замужества девушкой XVI века заключалось в том, что любая, даже самая незавидная брачная партия была предпочтительнее унижительной участи старой девы². Уже в XII веке церковный закон ввел штрафы, налагавшиеся на родителей, «аще девка восхоцет замуж, а отец и мати не дадят», а в дальнейшем это представление сохранялось веками. Так или иначе, но опекуны Авдотьи – бабушка и дядя – «зговорили [ее] с Васильем с Михайловичем с *Воронцовым* за его брата за *Ивана Михайловича*». «Сговор» состоялся не ранее 1546 и не позднее 1547 года.

Трудно сказать, чем руководствовались родственники юной Авдотьи, заключившие рядную с И. М. Воронцовым, и что было для них в то время наиболее важным: желание породниться с известной (хотя и не родовитой) фамилией или трезвый прагматиче-

² См. пословицы и присловья, записанные в XVII веке: «Без мужа жена – всегда сирота»; «Жизнь без мужа – поганая лужа»; «Вот тебе кокуй (головной убор “мужатицы”) – с ним и ликуй» (Желобовский 1892: 13).

ский расчет на какие-то дополнительные житейские выгоды. Возможно, инициатива исходила от самого Воронцова, пленившегося внешностью и молодостью девушки, которой в то время не было и 15 лет.

О том же, какого человека выбрали опекуны в законные супруги своей воспитаннице, можно судить по некоторым фактам его биографии, попавшей на страницы «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона (1892: 220). Нареченный жених был дворянином, сыном прославленного воеводы М. С. Воронцова. В 1540-е годы Иван был уже видной фигурой в окружении царя. Иван Грозный пожаловал его чином думного советника, видимо, не без оснований, чувствуя в нем ум, расчетливость и такие особенности характера, которые позволили вверить ему исполнение важных дипломатических миссий. Позднее, в 1557 и 1567–1569 годах, то есть дважды, царь отправлял И. М. Воронцова с дипломатическими поручениями (первый раз в Литву, второй – в Швецию). Но об этой будущей блистательной карьере не могли в те годы знать ни Марфа, ни ее внучка.

Напротив, в описываемые нами 1540-е годы судьба Ивана Воронцова висела на волоске: предполагаемый жених Авдотьи чуть было не сложил голову на плахе. Летопись сообщает, что в 1546 году он вместе с братом В. М. Вороцовым (с которым и вела переговоры о будущем замужестве внучки Марфа Протопопова) неожиданно попал в государеву опалу. Брата нареченного жениха – В. М. Воронцова – 21 июля 1546 года казнили по доносу дьяка Г. З. Гнильевского, который, кстати сказать, был упомянут в Духовной Василия Кузьмича как один из кредиторов протопопа. Самому же Ивану Михайловичу повезло: его, правда, «неодинажды» забирали в Коломну на пытку, а после этого вдобавок конфисковали все имущество, но этот счастливец все же остался жив (ПСРЛ, т. 34: 27).

«Сговор» родственников Авдотьи Мезецкой с Воронцовыми состоялся – можно почти не сомневаться! – незадолго до этих событий, когда Воронцовы были еще обласканы высшей властью. Тем не менее брак не состоялся. «И по грехом моим, вражьей споню, внука моя за Ивана не похотела...», – записала бабушка Авдотьи, Марфа, в своей Духовной. За «непохотение» внучки бабушке пришлось уплатить брачную неустойку несостоявшемуся жениху. В грамоте она названа «зарядом» (то есть компенсацией за заклю-

ченный ряд – договор) и определена в огромную по тем временам сумму – «пятьсот рублей».

Уже само по себе подобное сообщение уникально. Истории русского брачного права домосковского времени (X–XV века) не известны реальные казусы «не похотения» женихов и невест заключать брак, а в нормативных актах была предусмотрена лишь ситуация отказа жениха от невесты («за сором еи 3 гривны, а что потеряно – то ей заплатити, а митрополиту 6 гривен, а князь казнит») (Устав... 1952: 54). Свободное волеизъявление невесты при определении будущего мужа не только не считалось обязательным, но – по крайней мере до 1697 года – даже не было желательным³.

Еще более удивляет указанная сумма «заряда» – пятьсот рублей. Достаточно вспомнить, что ношенная кунья шуба в середине XVI века стоила всего 4 рубля, а плата крестьянского «пожилого» для перехода от одного господина к другому равнялась полутора рублям (Маньков 1951). Но и для семьи зажиточной – каковой, несомненно, была семья Протопоповых – сумма «заряда» для выплаты была не просто велика сама по себе, но почти ирреальна. Фактически выплатить ее сразу было невозможно: такие огромные деньги *не могли существовать в наличии*, физически не могли храниться дома, у бабушки, на черный день. И кредит, хотя и существовал в то время в Московии, в данном случае не помог бы: подобного рода сумму никто бы в долг не дал. Так что заломленная Воронцовыми цифра не столько определяла реальную цену материальной (и, вероятно, моральной) компенсации, сколько формулировала недостижимый предел.

Можно даже предположить, что в самой цифре 500 был какой-то дополнительный, сакральный, тайный смысл. Если 100 рублей было синонимично понятию богатства (что отразилось и в фольклоре: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», – и в литературе предпетровского времени, где все перечисления богатых пожалований и даров всегда либо равны 100 рублям, либо кратны числу 100), то 500 рублей было пятикратным увеличением этой значимой и символической суммы (что само по себе тоже заставляет задуматься о символичности цифры 5 – пять пальцев, «считаю до пяти», церковь о пяти главах...). В судебных документах XVII века встречается упоминание этой суммы как суммы штрафа за «бесче-

³ Когда «не любящихся между собой сопружествуют, житие тех мужа и жены бывает бедно и... детей безприжитно», – сокрушался по поводу насильственных браков патриарх Адриан, требуя от священников венчать только тех, кто «совершенное согласие ко друг другу повяят» (см.: Инструкция... 1830).

стье» (изнасилование) девушки⁴, однако в Духовной Марфы мы сталкиваемся с обратной ситуацией – моральным оскорблением жениха.

Вероятнее всего, обычай «отдаривания» жениха, пострадавшего от отказа невесты, все же существовал издавна, иначе бы отголоски его не сохранились в текстах посадских повестей. Так, в частности, «Притча о старом муже и молодой девице» (XVII век), которая рассказывала о хитрой и ловкой девушке, сумевшей избежать нежелательного замужества, заканчивалась словами: «Младому – девица честь и слава, а старому мужу – коровой сала» – то есть откуп (Повесть о старом... 1988: 448). Однако *ни в одной* из имеющихся в нашем распоряжении брачных рядных сумма неустойки на случай отказа жениха или невесты не указана. Вероятнее всего, она всегда была высока: знавший не понаслышке русские реалии эмигрант Григорий Котошихин (1906) сообщил, что размер неустойки мог доходить и до 5000, и даже до 10 000 рублей, но в найденных нами сговорных и рядных никаких сведений такого рода не встретилось.

Так или иначе, но бабушке Марфе Протопоповой, чтобы изыскать 500 рублей, пришлось всерьез задуматься о том, как их получить. В то время, когда реальное богатство аккумулировалось в земельной собственности, когда наличных денег в обращении было крайне мало, а драгоценные металлы для изготовления монеты ввозились из-за рубежа, у нее не было иного выхода, как расстаться с несколькими своими прежними приобретениями. Впервые в истории рода Протопоповых земельная собственность не накапливалась, а отчуждалась: Марфа рассталась с двумя подмосковными селами (вероятно, Борисоглебским и Копцовым, так как будучи неоднократно упомянутыми в прежних документах семьи Протопоповых, они отсутствуют среди владений Мезецких) (Кобрин 1983).

Что же было причиной «не похотения» Авдотьи? Зная биографию И. М. Воронцова, возникает сильный соблазн объяснить поступок девушки нежеланием идти замуж за опального, связывать судьбу с сомнительной личностью и ненадежным человеком. Но причина, как нам кажется, была иной. Ведь если бы отказ Авдотьи выходить замуж за Воронцова был вызван его немилостью у госу-

⁴ «Степан ее, Маврутку, в комнате у себя насиловал, а она, Маврутка, в том у него, Степана, упрашивала, чтоб над нею того насилования не чинил... а девке велено давать из пожитков того, кто ее изнасилует», поэтому присудили: «отдать ему, Степану Коробину, девке Маврутке 500 рублев» (ПСЗ 1830: 901).

даря, бабушке не пришлось бы выкладывать огромные деньги: выдавать внучку замуж «не похотела» бы она сама. Да и не пришлось бы ей платить такой огромный «заряд». Вероятно, в то время, когда устраивался «сговор», тучи еще не сгустились над головой жениха, а брак Авдотьи с Иваном Воронцовым расстроился по каким-то иным причинам, причем незадолго до событий, связанных с опалой его самого и его брата (то есть до 1546 года).

«Проговорка» в тексте духовной Марфы дает объяснение ситуации: «Яз, Марфа, за свою внукою заплатила заряд пятьсот рублей *ее для слез* (слез ее ради)...». Именно это признание, неожиданное для скупого на эмоции юридического документа, и заставляет читателя однообразных текстов частноправовых актов выделить Духовную Марфы из сотен подобных «грамоток». Выделить и задуматься: какие же события могли подтолкнуть Авдотью Ивановну Мезецкую к проявлению неожиданного своеволия, а ее бабушку – к совершению неординарного поступка? Поскольку в тексте Духовной Марфы 1560–1561 годов далее (несколько листов спустя) упомянуто еще одно лицо – умерший к тому времени *князь Юрий Иванович Шемякин-Пронский*, названный мужем Авдотьи, – есть все основания предполагать, что девушка отказалась выйти замуж за Ивана Воронцова, поскольку избранником ее сердца стал другой человек. То есть если подобное предположение верно, расчеты родственников разбились о нежданно-негаданно возникший «любовный треугольник».

Даже если не уподобляться романистам, фантазируя на эту тему, трудно не признать факта неожиданности решения Авдотьи для ее бабушки. По всей видимости, поначалу, когда опекуны составляли брачную сговорную, Авдотья никак не проявляла своего отношения к выбору бабушкой Марфой ее брачной партии. Жизнь девушки была буквально «запрограммирована» на обычное замужество, но какое-то событие перевернуло всю ее жизнь, изменило все планы. В размеренную жизнь вторглась *случайность*.

Уместно вспомнить интересное замечание французского историка Л. Февра (1991) о том, что мы привыкли рассматривать исторические события, процессы и явления в категориях механики (подъем – спуск, прогресс – регресс, развитие – деградация), но ментальные процессы, полагал он, нужно анализировать с помощью другого понятийного аппарата, взятого не из механики, а из электричества: вспышка, разряд, разница полюсов. Можно предположить, что и в событиях, которые повлекли за собой решение Авдотьи отказаться от брака с Воронцовым, главной была как раз та-

кая *вспышка*, внезапное чувство, страсть. Ведь все стремительно сломалось в одночасье. Начались «слезы» (о которых вспомнила Марфа Протопопова, составляя духовную), уговоры родственников. Наверное, они не раз ломали головы над тем, где Авдотья могла «служиться» с Юрием, ведь возможности общения с представителями противоположного пола были в Московии XVI века – века расцвета «теремного затворничества» – более чем ограниченными⁵.

Скорее всего, дело произошло в церкви, может быть, даже в том самом Благовещенском соборе Московского кремля, где когда-то служил протопопом дед Авдотьи и куда она ходила к своему духовнику. Церковь была основным и едва ли не единственным местом, которое с разрешения главы семьи, воспитателей или мужей посещали и незамужние девушки, и «мужатицы». Так, по крайней мере, представили повседневный быт москвитов иностранцы, побывавшие в Московии в XVI–XVII веках. Однако если рассматривать случайность знакомства Авдотьи и Юрия как своеобразную «точку пересечения разнопорядковых закономерностей», то вполне определенно можно заметить взаимосвязь процессов возвышения и социального определения русских нуворишей XVI века (к которым принадлежала Марфа и ее внучка) и процесса постепенного пробуждения самосознания человека (как Авдотьи, так и ее бабушки).

Неожиданное знакомство Авдотьи и Юрия, равно как и вся эта история в целом, наделала, наверное, много шума, став источником сильных эмоциональных переживаний и Протопоповых, и Воронцовых, и Пронского. Именно эти сильные (стрессовые) переживания заставили всех участников истории заглянуть в самих себя. Достаточно обратить внимание на то, что спустя 15 лет после достопамятных событий бабушка, составляя Духовную, невольно впадала в некоторое волнение, когда излагала историю купли-продажи своих подмосковных сел. Она явно пыталась объяснить самой себе, как это вдруг она приняла такое решение – «по грехом ли моим, вражью ли споную...» По всей видимости, и грехов, и врагов было у этой женщины немало...

Марфа не могла не понимать, что против ее воли, равно как и против воли другого опекуна, Авдотья – как бы ни любила – никогда бы не пошла, не рискнула бы. По всем законам того времени, девушки не могли выйти замуж, «доколе имеющие власть над ними не изъявят согласия на сожитие» (Каноны... б. г.). Одобрение ус-

⁵ «Девичам не разрешается самостоятельно знакомиться, еще того менее говорить друг с другом о брачном деле или совершать помолвку» (Котошихин 1906: 149). Все брачные вопросы решались на смотринах.

ловного «избранника» было четко сформулированным каноническим условием для заключения брака («...сияже глаголем, аще самовластии, вще же и по власти родителей суть совокупляющиеся браку...») (Котошихин 1906: 12), а все конфликтные ситуации на этой почве подсудны патриаршему суду. Даже в литературе XVI–XVII веков эпизоды с проявлениями девичьих «хотений» относительно выбора избранника (случаи с Февронией, обусловившей замужество в качестве платы за лечение князя Петра, или с ловкачкой Ксенией из «Повести о Тверском Отроче монастыре», долго водившей за нос одного жениха, пока не подыскался другой, более богатый и знатный) больше похожи на фантазии авторов текстов, нежели на факты реального семейного быта.

Духовная же Марфы показывает, что наши привычные умозаключения о предопределенности жизненного пути любого средневекового человека требуют уточнения. Сама жизнь постоянно рождала ситуации конфликта с традиционными установками, трудно только сказать – насколько часто.

Не желая превращать семейную жизнь внучки в «адские мучения немилого брака», Марфа не стала настаивать на браке Авдотьи (как она ее звала по-домашнему – Дуняша? Дуняшка?) с Воронцовым. Что двигало ею, много повидавшей на своем веку, когда она принимала решение расстаться с двумя давешними приобретениями, столь мучительно дотоле собираемыми? Почему сердце бабушки дрогнуло, когда она услышала Авдотьины мольбы и увидела ее «слезы»? Мы никогда уже не узнаем об этом. Можно только строить догадки о характере Марфы Протопоповой – незаурядной личности, совершившей неординарный поступок.

Жизнь ее наверняка была чрезвычайно богата событиями (вспоминая которые она записала в духовной о своих грехах и врагах). Да иначе и быть не могло: Марфа олицетворяла собой – воспользуемся термином одного из отцов современной социологии П. А. Сорокина – «восходящую социальную мобильность». Она сполна узнала, прочувствовала на собственной шкуре, что значит продвижение из протопопиц в вотчинновладелицы.

Как скапливались богатства в ее семье? Должность супруга Марфы, Василия Кузьмича, сама по себе не дала бы возможности ни построить «палат каменных», ни приобрести «землицу» в особо крупных размерах. Но близость протопопа к государю создавала – это можно предположить с определенностью – условия для многочисленных обращений «людишек» всякого ранга и звания, просивших «попечаловатися» об их деле. И протопоп, наверняка, способствовал этому, причем не бескорыстно, а за вознаграждение. Что

данное предположение верно, видно из перечисления должников и кредиторов Василия Кузьмича в его духовной: поскольку многие из окружения протопопа были связаны с дворцовым ведомством, ему было к кому обратиться, хлопоча о челобитных⁶.

А сама протопопица Марфа, как и многие ее современницы, относящиеся к тому же социальному слою «нுவоришей» XVI века, должна была постоянно что-то рассчитывать и выгадывать, обращая притекавшие в семью подарки в земельные богатства. К середине XVI столетия относятся первые в истории русского частного права запретительные указы, касающиеся наделения жен и дочерей из *родовитых семей* землей через приданое и наследство. Запретительные моменты в законах о недвижимости подталкивали и убыстряли процесс рождения *новых хозяев* (в отношении жен и дочерей которых никаких запрещений, кстати сказать, не было). Эти-то «новые русские» и приобретали (скупали) родовые вотчины у бывших владельцев. Таким искусством обогащения вполне овладели и Василий Кузьмич Протопопов, и его жена Марфа.

Читая Духовную Марфы, нетрудно заметить, что в истории ее семьи воплощено и «одушевлено» начало сложного социально-экономического процесса фактического перераспределения земельной собственности в Российском государстве. Его юридическое оформление, растянувшееся на несколько веков, изменило нормы права в XVIII столетии, в середине же XVI века Василий Кузьмич и Марфа стояли у его истоков, наживая себе врагов («вражьи споны») и не всегда праведными путями приобретая очередное «селцо» («грехы мои»).

Надо думать, что и отношение супругов к своей «землице» было особым, отличным от небрежения к ней родовитых наследников крупных вотчин. Расставаться с любым приобретением, доставшимся не без труда, было жалко. Поэтому Марфа, составляя свою Духовную и вспоминая, как ей пришлось продать два села, вновь и вновь переживала свой поступок. Она была вдовой влиятельного человека, поскольку Василий Кузьмич был приобщен к элите «по месту службы». Она гордилась тем, что свою дочь (мать Авдотьи, Евфимию) ей удалось выдать замуж не за какого-то «разночинца», то есть не за безродного дворянина, а за родовитого князя. Она имела основание быть довольной собой, поскольку именно благодаря ее житейской мудрости семье удалось приобрести недюжин-

⁶ Упомянутые в духовной Василия Кузьмича М. Ю. Захарьин, И. Ю. Шигона Поджогин, кн. В. Ф. Лопата Оболенский, кн. И. И. Кубенский занимали различные должности и были влиятельными людьми (Зимин 1964: 187–189).

ные «поместийца». И, конечно, накапливая солидный капитал, Марфа мечтала, чтобы ее дочь и внучка не останавливались на достигнутом, чтобы и они тоже преумножали семейную собственность, видела в этом скопидомстве будущее благополучие потомков. И все же – как ни жаль было расстаться с накопленным! – Марфа поступила не так, как диктовали ее принципы, «переступила» через себя, свои амбиции...

Задумываясь над поступком Марфы, трудно не отметить и того, что она на собственном житейском опыте и на примере дочери столкнулась с относительностью границ и различных установлений как в рамках слоя, так и за его пределами. Она столкнулась, как мы бы сейчас сказали, с *девиантой*, отклонением от нормального социального поведения (ибо перемещение Марфы и затем ее дочери из одной социальной страты в другую, безусловно, было девиантой, хотя и довольно распространенной). По всей видимости, факт совершения девиантного поступка в прошлом определил готовность Марфы (когда она стала бабушкой) к совершению нового неординарного поступка, основанного уже на эмоциях. Иными словами, единожды преступившей нормы Марфе уже были нипочем и другие глупые условности общества.

Личности заурядные, попав в более высокий социальный слой, обычно слепо копируют, подражают в мелочах представителям так называемого высшего общества. Личности же неординарные при таких обстоятельствах обретают подчас невиданную дотоле свободу внутреннего выбора. Они расширяют границы дозволенного и совершают поступки, истолкование которых подчас оказывается не под силу их окружению. Марфа Протопопова, думается, как раз и была такой личностью. Настрадавшись в жизни после смерти мужа, она менее всего хотела, чтобы страдания сопровождали жизнь ее любимой внучки и воспитанницы. Собирая земли, сколачивая состояние, Марфа была хорошей помощницей Василию Кузьмичу.

Но любила ли она его? Во всяком случае, «маленькой» своей она точно желала не своей, а лучшей доли. Да и, к слову сказать, новый избранник внучки Иван Шемякин-Пронский был князем, а Иван Воронцов – просто удачливым царедворцем. Так что княжеское происхождение нового жениха смиряло Марфу с потерями. И потому бабушка приняла решение расстаться с двумя селами (до конца жизни сожалея об этом) и выплатить громадную неустойку, дав согласие на брак внучки по ее выбору и вкусу. Таким образом, Духовная Марфы стала *редчайшим памятником русского права, зафиксировавшим расторжение брачного ряда по причине несогласия невесты на замужество.*

Сам документ и современные ему летописные и делопроизводительные источники позволяют реконструировать ход событий, последовавших за отказом Авдотьи от замужества с И. М. Воронцовым. Что касается самого незадачливого жениха, то он, как известно, сумел «удержаться на плаву» большой политики. Но, вероятно, его судьба сложилась бы еще удачнее, стань он родственником вдовы царского духовника. Да и имущество его конфисковали, как можно было понять, сразу после получения им «заряда» в 500 рублей (наверное, доброхоты доложили «куда следует», что с него было что взять!).

А в это время Протопоповы-Мезецкие готовились к венчанию. Смирившись с потерей фамильной собственности, дядя Авдотьи подарил новой семье – продолжению клана Протопоповых – в качестве свадебного подарка «саженье» (шейное украшение с камнями) своей покойной жены, о чем не преминула сказать бабушка в своем завещании.

Сыграли свадьбу. Авдотье к тому времени исполнилось полных 16 лет. Этот возраст был в то время для девушек самым распространенным возрастом вступления в брак: не разрешалось выходить замуж моложе 12 лет, а с 20-ти легко можно было попасть в «вековуши». Так что можно думать, что Авдотья в своей настойчивости отказаться от брака с одним женихом и желанием выйти замуж за другого отнюдь не капризничала, а принимала осознанное, самостоятельное, «взрослое» решение.

Точная же дата бракосочетания Авдотьи с Юрием неизвестна. Ее можно вычислить, если учесть, что стольник Ю. И. Шемякин-Пронский впервые упомянут в числе молодых аристократов в 1546 году, а затем в 1547 году – как участник свадебных церемоний Ивана IV с Анастасией Романовой (участвовать в них он мог, если только был женат). Это и позволяет думать, что брак Авдотьи и Юрия совершился в 1546 году, когда несостоявшийся первый жених был посажен «за приставы на Коломне».

Как сложилась жизнь мезецкой княжны с избранником? Стоило ли ей плакать, подталкивая тем самым бабушку к продаже сел для выплаты неустойки Воронцовым?

По рождению Юрий Шемякин-Пронский принадлежал к известной ветви рязанских князей – владельцам города Пронска «со окрестности». Отец его, Иван Шемяка, был бравым воякой, за что был замечен еще Василием III, а в 1544 году был пожалован бояр-

ством. Умер Иван Шемяка вскоре после свадьбы сына⁷ и, судя по всему, своему «чаду» – Юрию, избраннику Авдотьи, – несмотря на свое боярство, ничего существенного в наследство не оставил. Юрий был небогат. Все, чем владела молодая чета, было до свадьбы собственностью Авдотьи. Так что с обеспеченностью зятьев Протопоповым, прямо скажем, не везло. Марфа с плохо скрытой иронией отметила в Духовной: «что есмя давали зятю своему приданово – деньги, и платья, и кони, и то зять наш прослужил на царской службе». То есть от государевой службы Юрий, как в свое время и его отец, не сумел получить каких-либо льгот и приобретений. И даже более того, вынужден был время от времени пользоваться щедростью тещи. А куда ему было деться?..

Молодым не суждено было часто видеться, жить по-семейному: Юрию приходилось все время являться по зову государя «конному, людному и оружному». К пронскому князю со всем основанием можно отнести слова князя Курбского о самом себе: «Яко мало и рождешии мене зрех и жены моя не познавах, и отчества своего отстоях...» (Переписка... 1979: 8). Действительно, не успел князь Пронский жениться, как пришлось ему покинуть и дом, и молодую жену Авдотью, и богатую тещу (кто знает, как он к ней относился), направляясь в один поход, затем в другой. В 1549–1550 годах Юрий участвовал в них уже рындой, с октября 1550 года служил воеводой в Нижнем Новгороде, лишь изредка, по всей видимости, наезжая домой, к жене. Продвижение по «лестнице славы» в то время практически исключало личную жизнь, если понимать под ней жизнь домашнюю.

Воеводой пришлось служить Юрию Ивановичу и в 1551 году, когда его послали в город Михайлов на реке Проне. Оттуда осенью того же года он отправился в Рязань «по ногайским вестям». Около 1554 года Юрий Пронский за личную храбрость и полководческие таланты, проявленные в Казанском походе, получил боярство (Милюков 1901). То есть боярыней должна была стать и Авдотья, а вместе с этим титулом получить право на какой-то иной образ жизни... Но Юрий неожиданно скончался (в 1555 году?). Андрей Курбский, описывая взятие Казани в 1552 году – а князь Пронский принимал в участие в этом походе, – назвал его «юношей».

⁷ Молодой человек считался в Московии XVI века самостоятельным и достойным занимать государственные должности, в том числе стольника, когда он был «оженен», точнее – используя лексику автора «Слова о полку Игореве», – «опутан красною девицей» (о должностях Ю. Шемякина-Пронского см.: Назаров 1975: 52; Разрядная... 1977: 326, 339).

Следовательно, в год свадьбы Юрию было всего 17–18 лет, а скончался он, не достигнув и тридцати.

Брак Юрия и Авдотьи вряд ли поэтому длился более восьми лет. Дети их Господь «не пожаловал»: в документах монастыря ничего не говорится о заупокойных вкладах по детям Авдотьи и ее супруга.

К середине 1550-х годов внучка независимой Марфы Протопоповой осталась молодой (25-летней) вдовой, боярыней, и весьма обеспеченной. Ее бабушка еще была жива, но трудно сказать, насколько она сопереживала одиночеству внучки. А перед Авдотьей благодаря бабушкиным накоплениям вполне могли быть открыты перспективы вторичного замужества. Тем более что оно допускалось православным каноническим правом как уступка человеческой слабости, особенно «аще детей не было от первого брака».

Но замуж Авдотья не вышла. Не оттого ли, что была верна памяти человека, ради которого настояла на расторжении помолвки с первым женихом?

Как и многие ее современницы, молодая вдова пыталась забыть, погрузившись в хозяйственные хлопоты. Верная своему воспитанию («кровь не вода!»), Авдотья успешно провела в 1557–1558 годах тяжбу о смежных угодьях, отсудив «землицу» у двоюродного брата и его отца, чем в известной степени компенсировала земельные потери Протопоповых (на радость бабушке). Чуть позже Авдотья сделала вклад в Троице-Сергиев монастырь в виде сельца Алексино, выговорив себе право пользоваться им пожизненно (Вкладная... 1559–1560). Кроме того, памятуя доброе к себе отношение дяди и бывшего опекуна Ивана Васильевича Протопопова, она вместила в текст вкладной разрешение взять ему Алексино в пожизненное владение и пользоваться им, если она сама умрет первой.

Вероятно, Авдотья чувствовала себя после потери близкого человека рано и безнадежно постаревшей. В 1564–1565 годах (через три года после смерти бабушки, когда ей исполнилось всего 34 года!) она уже составила Духовную. Текст ее хранится в той же коллекции грамот (актов), что и завещание Марфы Протопоповой. В Духовной Авдотья прощала долги, подтверждала ряд вкладов в монастыри, завещала три деревни слугам. На первый взгляд, неожиданно в тексте документа оказалось ее распоряжение похоронить себя в Троице-Сергиевом монастыре. Это нарушало семейную традицию: все предки Авдотьи, ее родители, бабушка Марфа и де-

душка-протопоп, равно как и более далекие родственники по их «линиям», были похоронены в московском Богоявленском монастыре. Но в Троице-Сергиевом монастыре покоились останки князей Пронских (Горский 1890: 98), и Авдотья выразила желание лежать рядом с любимым человеком, с покойным мужем.

Это пожелание было исполнено. Так в архиве Троице-Сергиевой лавры оказались документы, внезапно приблизившие к нам далекий XVI век, сделавший нас сопричастными людям того времени, их проблемам, заботам, их «истории любви».

Можно ли считать историю замужества Авдотьи Мезецкой уникальной? Если судить по чисто количественному соотношению браков, заключенных по воле родителей и родственников, и браков, «сговоренных» самими брачными партнерами, то, действительно, описанная в духовной ситуация была нетипичной. Однако именно такие редкие, неординарные жизненные истории рождали со временем изменение понятий «обыденного» и «исключительного». О возможности заключения брака на основании личной склонности («кто кого излюбит») в среде «престецов» – между дворовыми – в XVII веке писалось уже как о рядовом явлении (Котошихин 1906). Литературные произведения предпетровского времени отобразили возможность спора между невестой и ее матерью, в котором девушка проявляла настойчивость и убедительно обосновывала свой выбор (Повесть... 1988: 213). Однако документов, содержащих информацию о выплате брачных неустоек родственниками несогласной на замужество невесты, не сохранилось. Должно было пройти не менее двухсот лет, чтобы экстраординарное событие – право невесты отказываться от заключения брака – оказалось зафиксированным в законе уже в качестве нормы.

Литература

Акты Русского государства. 1505–1526 гг. № 214, 215, 219. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Суздаль. № 17 / 11796 (1526 г.). М., 1975.

Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. 1892. *Энциклопедический словарь*. Т. VII. СПб.

Вкладная Авдотьи Мезецкой 1559–1560 гг. РГАДА. Ф. 281. Суздаль. № 37/11816.

Горский, А. 1890. *Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам*. Ч. 2. М.: Изд-во Свято-Троице-Сергиевой Лавры.

Григоровский, С. П. 1896. *Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводство по делам брачным*. СПб.: Синодальная типография.

Добровольский, В. И. 1903. *Брак и развод. Очерк по русскому брачному праву*. СПб.: Тип. С.-Пб. Т-ва Печат. и Изд. дела «Труд».

Духовная великого князя Василия III 1523 г. 1950. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* № 100. М.; Л.

Духовная Марфы, вдовы протопопа Благовещенского собора Василия Кузьмича. 1560–1561 гг. *РО РГБ. Ф. 303. АТСЛ. Кн. 530. Суздаль. № 4.*

Духовная протопопа Василия Кузьмича. 1531–1532 гг. *РО РГБ. АТСЛ. № 281.*

Желобовский, А. И. 1892. *Семья по воззрениям русского народа, выраженный в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества*. Воронеж: Тип. В. И. Исаева.

Загоровский, А. И. 1902. *Курс семейного права*. Одесса: Типография Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела.

Зимин, А. А.

1964. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI веков. *Исторические записки*, т. 63. М.: Наука.

1975. Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* / отв. ред. Н. И. Павленко. М.: Наука.

Инструкция к старостам поповским от святейшего патриарха Адриана 1697 г. 1830. *Полное собрание законов Российской империи*. Т. III. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии. № 1612 (26 декабря 1697 г.).

Каноны или книга правил. Правила Святых Отец. Второе каноническое послание святого отца нашего Василия, архиепископа кесарии Каппадокийская, к Амфилохию епископу Иконийскому. [Б. г.] Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://duhpage.sed.lg.ua/Azy/azy18/28.htm>

Кобрин, В. Б. 1983. Опыт изучения семейной генеалогии. *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. XIV. М.: Наука.

Котошихин, Г. 1906. *О России в царствование Алексея Михайловича*. СПб.: Издание Археографической комиссии.

Лихачев, Н. П. 1900. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. *Известия русского генеалогического общества*. Вып. 1. Отд. 1 (с. 68–79).

Маньков, А. Г. 1951. *Цены и их движение в Русском государстве XVI века*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Милюков, П. Н. 1901. *Древнейшая разрядная книга официальной редакции по 1565 г.* М.: Изд. Имп. Общ-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те.

Назаров, В. Д. 1975. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. *Общество и государство феодальной России* / отв. ред. В. Т. Пашуто, с. 40–53. М.: Наука.

О оболстившей приданым. Из сборника жартов конца XVII в. *Рукописный отдел Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*. Собр. Толстого. II-47. Q. XVII. 2. Л. 41об.

Оршанский, И. Г. 1879. *Исследования по русскому праву, обычному и брачному*. СПб.: Тип. А. Е. Ландау.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подг. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л.: Изд-во АН СССР, 1979.

Повесть о семи мудрецах. 1988. *Памятники литературы Древней Руси. XVII век*. Кн. 1., с. 126–141. М.: Худ. лит-ра.

Повесть о старом муже и молодой девице. 1988. *Памятники литературы Древней Руси. XVII век*. Кн. 1, с. 98–115. М.: Худ. лит-ра.

Полное собрание законов Российской империи. Т. II. 1830. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, № 1266 (5 сентября 1687 г.).

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). 1978. М.: Наука.

Разрядная книга 1475–1605 гг. 1977. Т. 1. / сост. Л. Ф. Кузьмина; под ред. В. И. Буганова. М.: РАН, Ин-т рос. истории.

Рождественский, В. 1897. *Служилое землевладение в Московском государстве XVI века*. СПб.: Б/и.

Торопецкая книга 1540 г. / подг. М. Н. Тихомиров и Б. Н. Флоря. *Археографический ежегодник за 1963 г.* М. 1964.

Устав князя Ярослава Владимировича (XII в.). 1952. *Памятники русского права*. Вып. 1 (ст. 20, 26, 27, 35). М.: Госюриздат.

Февр, Л. 1991. Историзирующая история. О чуждой для нас форме истории. В: Февр, Л. *Бои за историю* (с. 67–71). М.: Наука.

Архивы:

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РО РГБ – Рукописный отдел Российской государственной библиотеки.

АТСЛ – Архив Троице-Сергиевой лавры.